

ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ СПЕЦИАЛЬНЫХ СУДЕБНО-МЕДИЦИНСКИХ ЗНАНИЙ В СТАДИИ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА

В статье анализируется конфликтная ситуация, возникшая в связи с расширением в законе способов проверки сообщения о совершенном преступлении в стадии возбуждения уголовного дела с использованием специальных судебно-медицинских знаний.

Ключевые слова: возбуждение уголовного дела, специалист, эксперт, специальные знания, освидетельствование.

Поводом к написанию настоящей статьи явилось обращение руководителя одного из структурных подразделений Самарского областного бюро судебно-медицинской экспертизы в адрес прокурора Самарской области с просьбой пресечь незаконную, с точки зрения автора письма, практику привлечения специалиста – судебного медика к проверкам, производимым до возбуждения уголовного дела в порядке ст. 144 УПК РФ. Данное обращение было рассмотрено на специальном заседании научно-консультационного совета при прокуратуре Самарской области.

В тексте обращения представлен взгляд на сложную юридическую проблему, сформировавшийся в сознании не юриста в процессе его повседневной профессиональной не юридической деятельности, связанной с производством по уголовным делам. Теоретический интерес к указанному обращению обусловлен двумя обстоятельствами:

1) Терминологическая путаница и объединение в общем контексте законоположений, действовавших в разное время, – это показатель не только недостаточного уровня юридической подготовки судебного медика, привлекаемого к участию в уголовных делах, это во многом отражение нестабильности законодательства в последнее десятилетие, путаности и внутренней противоречивости самого текста закона, которых юристы, работающие в системе стереотипных представлений о правильном и должном, нередко просто не замечают;

2) Профессиональное юридическое правосознание готово принять многие условности, допуски в буквальном прочтении отдельных законоположений, готово сгладить отдельные шероховатости их текстуального выражения за счет системного толкования соответствующих норм в соответствии с принципами уголовного судопроизводства, а также исходя из конкретных прагматических задач, которые юристы вынуждены решать ежедневно. Профессиональное правосознание не юриста в гораздо меньшей степени готово к таким «сглаживаниям» и «восполнениям», поскольку перед не юристами, вовлекаемыми в уголовный процесс, стоят еще и собственные прагматические задачи, которые априори имеют для них приоритетное значение.

Предметом обсуждения на заседании научно-консультационного совета при прокуратуре Самарской области был построчный комментарий названного обращения, необходимость которого была продиктована выраженной оригинальностью не только

---

* © Тарасов А.А., 2012

Тарасов Александр Алексеевич (aatar@mail.ru), кафедра уголовного процесса и криминалистики Самарского государственного университета, 443011, Российская Федерация, г. Самара, ул. Акад. Павлова, 1.

авторского стиля изложения, но и специфичностью трактовки некоторых уголовно-процессуальных понятий, весьма распространенной в судебно-медицинской профессиональной среде. Не имея такой же возможности в объеме научной статьи, выделим и прокомментируем наиболее важные моменты в тексте обращения, касающиеся тех вопросов, которые и для юристов всегда составляли предмет теоретических дискуссий.

В тексте обращения в разном словесном оформлении многократно повторяется один и тот же ошибочный аргумент: не основанное на действующем законе утверждение о недопустимости производства каких бы то ни было следственных действий (в том числе – освидетельствования) до возбуждения уголовного дела. Будучи уверенным в неотразимости этого аргумента, автор обращения не только несколько раз повторяет его, но и использует как основу для большинства собственных логических построений. Очевидная для юриста ошибочность этого утверждения обусловлена не только незнанием изменений в уголовно-процессуальном законе, внесенных в декабре 2008 года, но и тем, что законодательная история этого вопроса не столь проста, как хотелось бы. Подробное и поэтапное изложение этой истории широко представлено в литературе, в том числе и в одной из статей автора [1]. Схематично эти этапы выглядят так:

1) До введения в действие УПК РФ 2001 г. судебный медик до возбуждения уголовного дела мог и обязан был участвовать в осмотре места происшествия в случаях обнаружения на этом месте трупа;

2) По новому УПК России в период с июля 2002 г. по июнь 2007 г. в дополнение к названному специалист – судебный медик мог также привлекаться к производству освидетельствования, а кроме того, следователь и дознаватель могли вынести постановление о назначении экспертизы, которое формально могло быть направлено в экспертное учреждение, в свою очередь, руководитель этого учреждения формально мог поручить производство экспертизы конкретному эксперту, не дожидаясь получения согласия прокурора на возбуждение уголовного дела;

3) В период с июня 2007 г. по декабрь 2008 г. возможность назначения экспертизы до возбуждения уголовного дела была утрачена, и одновременно с этим из закона без каких-либо специальных обоснований исчезли указания на возможность производства освидетельствования в рамках проверки сообщения о совершенном преступлении в порядке ст. 144 УПК РФ. Судебный медик в качестве специалиста мог привлекаться, строго по закону, только к осмотру места происшествия, на котором обнаружен труп;

4) В декабре 2008 г. эта ситуация была изменена: к числу следственных действий, производимых до возбуждения уголовного дела, добавились освидетельствование и осмотр трупа (безотносительно к факту обнаружения его на месте происшествия), к которым могли привлекаться специалисты в области судебной медицины;

5) В марте 2010 г. в стадии возбуждения уголовного дела были допущены действия, которые объективно требовали участия специалистов в области судебной медицины, но следственными не являлись: «исследования трупов». Здесь важно подчеркнуть, что никакие «исследования» в отношении живых лиц законом по-прежнему не допускаются.

Самая простая, «лежащая на поверхности» интерпретация проблемы взаимоотношений органов предварительного расследования со специалистами в области судебной медицины до возбуждения уголовного дела выглядит так: если в этой стадии разрешено производство какого-то действия, к участию в котором следователь или дознаватель решили пригласить судебного медика в качестве специалиста, то судебный медик не вправе отказаться от исполнения обязанностей специалиста под угро-

зой мер процессуального принуждения. Столь же прост и соответствующий такой интерпретации проблемы способ ее решения, для которого действующий закон дает все формальные основания: властное веление требует подчинения, а в случае неподчинения применяется юридическая санкция – может быть наложено денежное взыскание в размере до 2500 рублей (ст. 117, 118 УПК РФ).

Однако эта формальная простота не делает оптимальным способ решения рассматриваемой проблемы исключительно в рамках власти и подчинения. В любом профессиональном взаимодействии принципиально непродуктивен, а потому неприемлем язык ультиматумов, когда одни участники этого взаимодействия «от сих до сих» выполняют то, что они вынуждены выполнять под угрозой ответственности. От профессиональных участников уголовно-процессуальной и связанной с нею деятельности требуется не механическое выполнение стандартного набора действий, а сознательное и творческое сотрудничество, направленное на достижение максимального результата.

Кроме того, применяемые при организации этого взаимодействия нормативные предписания действительно не столь однозначны и нуждаются не только в формальном (текстуальном) прочтении, но и в системном (правовом) толковании, которое должно быть понятным и недвусмысленным для всех участников соответствующей процессуальной деятельности.

В анализируемом обращении представителя экспертного учреждения в специфическом контексте затронута реальная проблема разграничения процессуального и фактического статуса разных участников процесса. Известно, что эта проблема многократно обсуждалась и как-то решалась высшими органами судебной власти – в контексте определения момента начала осуществления уголовного преследования (статус подозреваемого) и возникновения права на обжалование в суд действий и решений органов уголовного преследования (статус подозреваемого и потерпевшего). Определенная сложность в толковании закона здесь имеется.

Судебный медик в своем обращении ставит вопрос о правомерности распространения на его коллег статуса специалиста до возбуждения уголовного дела. Такая постановка вопроса противоречит ст. 58 УПК РФ, согласно которой специалист привлекается к производству процессуальных действий независимо от стадии процесса, когда они производятся. Однако по поводу других участников процесса ситуация выглядит иначе. Судебный медик не без оснований утверждает, что до возбуждения уголовного дела нет таких участников процесса, которые могут подвергаться освидетельствованию. В ч. 1 ст. 179 УПК РФ, которая допускает производство освидетельствования до возбуждения уголовного дела, сказано об освидетельствовании именно подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего и свидетеля, которых до возбуждения уголовного дела еще нет, а если дело не будет возбуждено, то они и вовсе никогда не появятся. Следователи и дознаватели, судя по комментируемому письму, не склонны замечать этой проблемы, а она между тем все-таки существует, тем более что нормативная регламентация освидетельствования несколько различается в зависимости от статуса освидетельствуемого лица. Последнее имеет определяющее значение для освидетельствования свидетеля без его согласия: показаний в процессуальном смысле он еще не давал, поэтому проверять их достоверность с помощью освидетельствования нельзя.

Наиболее критично представитель государственного судебно-медицинского экспертного учреждения воспринял практику разного рода исследований до возбуждения уголовного дела. И не без оснований. В ч. 1 ст. 144 УПК РФ в редакции Федерального закона от 9 марта 2010 г. № 19-ФЗ, законодателем действительно употреблен (на наш взгляд, крайне неуместно и двусмысленно) термин «исследования документов, предметов, трупов». Этот термин до 2010 г. использовался в законе только в отноше-

нии судебно-экспертной деятельности и касался, соответственно, только возбужденных уголовных дел. Однако заметим, что даже в этих некорректных формулировках ни о каких исследованиях в отношении живых лиц закон не упоминает применительно к проверке в порядке ст. 144 УПК РФ. Автор письма совершенно верно отмечает не основанное на законе стремление многих сегодняшних следователей, дознавателей и их руководителей до возбуждения уголовного дела в суррогатной форме, без соблюдения прав участников процесса, без процессуальных гарантий объективности исследования и достоверности его результатов, фактически провести экспертизу. Получив содержательную часть экспертного заключения вне процессуальных форм, затем органы расследования возбуждают уголовное дело и руками экспертов «переделывают» эту суррогатную бумагу в формально полноценное экспертное заключение. Нет ничего удивительного в том, что добросовестный профессионал, эксперт с большим опытом и руководитель подразделения в государственном судебно-экспертном учреждении возражает против такой практики, и терминологические неточности в его письме – ничто в сравнении с вполне оправданным стремлением устранить суррогат из профессиональной работы по уголовным делам.

Суррогатные формы расследования, по мнению автора обращения, приобрели особую популярность у органов расследования именно потому, что официальная отчетность этих органов исторически основана на явной переоценке значения акта возбуждения уголовного дела и оснований к этому. Задача стадии возбуждения уголовного дела – открыть процессуальные возможности для полноценного процессуального расследования обстоятельств происшедшего. Именно поэтому основания к возбуждению уголовного дела обозначены в законе (ч. 2 ст. 140 УПК РФ) как достаточные **данные (не доказательства!),** указывающие на **признаки преступления (не состав и даже не факт и не событие!).** Современная практика такова, что даже при наличии оснований для начала процессуальной деятельности уголовное дело не возбуждается до тех пор, пока уполномоченные органы не получают максимальных гарантий его «судебной перспективы», а прекращение возбужденного уголовного дела в течение долгих лет по статистике воспринимается исключительно как брак в следственной работе. Российские следователи и дознаватели сами не заметили, что определенный в законе «повод к возбуждению уголовного дела» в профессиональном лексиконе как бы само собой переименовался в «повод к проведению проверки». Обычными явлениями сегодня стали проверки, проводимые ради самой проверки, равно как и уголовные дела, направляемые в суд только для того, чтобы направить их в суд. Возмущение профессионала – судебного медика такой ситуацией вполне объяснимо.

В обращении затронут организационно-финансовый вопрос, не имеющий отношения собственно к уголовному процессу, но не могущий не оказывать влияния на качество делового взаимодействия органов уголовного преследования с государственными судебно-медицинскими экспертными учреждениями в стадии возбуждения уголовного дела. Приведем этот фрагмент дословно, сохранив орфографию и пунктуацию.

«Другим аспектом привлечения специалиста к участию в следственном действии являются экономические взаимоотношения непосредственного исполнителя следственного действия (следователя) и его участника, т. е. специалиста. Согласно ст. 1 ФЗ-73 «О государственной судебно-экспертной деятельности в РФ» (далее ФЗ), государственная судебно-экспертная деятельность осуществляется в процессе судопроизводства государственными судебно-экспертными учреждениями и государственными судебными экспертами, состоит в организации и производстве судебной экспертизы. Отсюда следует, что участие врача в следственном действии не относится к государственной судебно-экспертной деятельности и к обязанностям государственного судебного экс-

перта. Взыскание и возмещение издержек за отвлечение врача от его непосредственных обязанностей должно осуществляться в порядке ст. 131 УПК РФ. В соответствии со ст. 37 ФЗ, финансирование государственных судебно-экспертных учреждений, применительно к ст. 1 ФЗ, осуществляется именно на данный вид государственной судебно-экспертной деятельности, т.е. на производство экспертиз. А поскольку участие в следственном действии не относится к государственной судебно-экспертной деятельности, следовательно, не должно финансироваться за счет средств бюджетов Российской Федерации. В таком случае, взыскание издержек за участие врача судебно-медицинского эксперта в следственном действии, должно осуществляться за счет Федерального бюджета, за счет средств которого финансируются все следственные действия, в том числе и отвлеченных от своих непосредственных обязанностей специалистов (в частности, врача судебно-медицинского эксперта). Вместе с тем, врачи судебно-медицинские эксперты не отказываются от участия в следственных действиях в случаях, когда привлечение специалиста осуществляется в соответствии с установленными требованиями закона (в рамках возбужденных уголовных дел), не имея при этом какой-либо своей материальной заинтересованности. Таких работ в качестве специалиста проводится немало».

В этом фрагменте обратим внимание на три момента:

1) Организационно-финансовые соображения руководителя одного из подразделений государственного судебно-экспертного учреждения, которые по-человечески могут быть поняты и приняты любым профессионалом, необоснованно переводятся в уголовно-процессуальное русло. В уголовно-процессуальном смысле ситуация выглядит предельно просто. Следователь или дознаватель, действующие в рамках своих процессуальных полномочий, в случаях, предусмотренных УПК РФ, вправе привлечь к участию в производимых ими действиях любого специалиста, которого сочтут необходимым, в том числе любого врача. Никто из этих лиц не вправе уклониться от исполнения обязанностей специалиста, в том числе и по материальным мотивам;

2) Вознаграждение, выплачиваемое специалисту, отнесено законодателем к числу процессуальных издержек (п. 4 ч. 2 ст. 131 УПК РФ), за исключением случаев, когда обязанности специалиста исполнялись им в порядке служебного задания. Если оказание помощи государственным правоохранительным органам в их уголовно-процессуальной деятельности сотрудниками государственных судебно-экспертных учреждений по каким-то причинам не считается для последних служебным заданием или по каким-то другим причинам не решен вопрос об оплате их труда из бюджетных средств, то это проблема самих государственных судебно-экспертных учреждений, от которой органы расследования, представляющие публичный интерес, страдать не должны;

3) Весьма двусмысленно и небезопасно профессионалом в области судебной медицины использовано словосочетание «своя материальная заинтересованность» в отношении работающих в стадии возбуждения уголовного дела специалистов-врачей: личная материальная заинтересованность специалиста — это основание его отвода (ч. 2 ст. 71, ч. 2 ст. 70, ч. 2 ст. 61 УПК РФ). Специалист относится к числу участников уголовного процесса, принципиально не имеющих личного, в том числе и материального, интереса в деле. Однако в данном случае речь идет, скорее всего, о редакционной неточности. Далее в обращении указывается:

«Отсюда следует, что включение в должностные обязанности врача судебно-медицинского эксперта обязанность его участия в следственных действиях, без соответствующей организации процесса взаимодействия с правоохранительными структурами, противоречит ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в РФ», нормам УПК РФ, Кодексу закона о труде».

Хотя сказанное здесь тоже не имеет отношения к уголовному процессу и ссылка на УПК РФ в этом контексте выглядит неуместной, просто игнорировать такое мнение тоже нельзя. Общий принцип внутренней согласованности национальной правовой системы предполагает внесение изменений в нормативно-правовые акты, регулирующие смежные общественные отношения. Предположим, что Трудовой кодекс РФ здесь тоже назван неуместно, но вот при ознакомлении с Федеральным законом о государственной судебно-экспертной деятельности выявляется немало противоречий с действующим УПК РФ, например в определении комиссионных и комплексных экспертиз, оснований для отвода эксперта, правил присутствия представителей сторон при производстве экспертизы и т. д. Законодательных шагов по устранению этих противоречий не предпринимается, несмотря на многократные «косметические» изменения этого закона вслед за изменениями в УПК РФ. Думается, что это не совсем правильно.

Большая часть сказанного в анализируемом обращении выглядит явной передежкой. Например:

«В связи с изложенным, в случаях привлечения врачей к участию в следственных действиях в рамках проверочного материала, врачи (в том числе и врачи судебно-медицинские эксперты) не имеют никаких оснований давать подписку о своей уголовной ответственности по ст. 307 УПК РФ и принимать участие в таких ДОСЛЕДСТВЕННЫХ действиях в качестве процессуального лица – специалиста. Участие же врача в проведении проверки в качестве привлеченного фактически свидетеля не предусмотрено действующим законодательством, уставом ГУЗ СОБСМЭ и должностными обязанностями врача – судебно-медицинского эксперта».

Об уголовной ответственности по ст. 307 УПК РФ действительно врач, привлеченный к участию в проверке в порядке ст. 144 УПК РФ, предупреждаться не может, поскольку еще нет ни уголовного дела, ни стадии предварительного расследования. Но привлекается он все-таки не в качестве свидетеля, а в качестве специалиста вне зависимости от того, предусмотрено такое участие в должностных инструкциях по месту постоянной работы врача или не предусмотрено.

Ситуация, в результате которой возникла необходимость рассмотрения проанализированного обращения на научно-консультационном совете при прокуратуре Самарской области переросла в межведомственный конфликт, который разрешался сугубо административным путем – отказ сотрудников бюро от участия в «доследственных» проверках был воспринят следователями исключительно как саботаж. Здесь был использован уголовно-процессуальный инструмент – наложение денежного взыскания на специалиста, отказавшегося принять участие в проведении «доследственной проверки». Руководством Самарского областного бюро Судебно-медицинской экспертизы были выделены другие сотрудники, не высказавшие принципиальных возражений против участия в этих проверках.

Однако полагаем, что проблема здесь гораздо сложнее и деликатнее, чем простой отказ одного или нескольких диссидентов от выполнения своих служебных и процессуальных обязанностей. Эта проблема требует кардинального законодательного решения, которым могло бы стать разрешение производства экспертизы до возбуждения уголовного дела как минимум в случаях, когда без нее невозможно установить наличие или отсутствие оснований для начала уголовно-процессуальной деятельности в полном объеме.

Библиографический список

1. Тарасов А.А. Об участии специалиста – судебного медика в стадии возбуждения уголовного дела // Вопросы судебной медицины, медицинского права и биоэтики: сб. науч. тр. / под ред. А.П. Ардашкина, В.В. Сергеева. Самара: Офорт, 2011. С. 186–199.
2. ФЗ-73 «О государственной судебно-экспертной деятельности в РФ» от 31 мая 2001 г.: принят 5 апреля 2001 г. // РГ. 2001. 5 июня. Фед. вып. № 2718.

A.A. Tarasov*

**ABOUT USING SPECIAL JUDICIAL AND MEDICAL KNOWLEDGE
ON THE STAGE OF INSTITUTING CRIMINAL PROCEEDINGS**

In the article the conflict situation that appeared in connection with broadening in law the ways of checking information about the completed offence on the stage of instituting criminal proceedings with the use of special judicial and medical knowledge is analyzed.

Key words: instituting criminal proceedings, specialist, expert, special knowledge, examination.

---

* *Tarasov Alexander Alexeevich* (aatar@mail.ru), the Dept. of Criminal Proceedings and Criminalistics, Samara State University, Samara, 443011, Russian Federation.